

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Есть судьбы, отправной точкой которых оказывается случайная встреча, а главной пружиной — удача. Такова судьба знаменитого русского исследователя Петра Кузьмича Козлова (1863—1935).

Великий путешественник, знаменитый Н. М. Пржевальский, однажды возник перед замечавшимся о дальних странах молодым человеком и заговорил с ним. С этих пор судьба не имевшего никаких перспектив Петра Козлова, обреченного, казалось, всю жизнь прозябать на скучной однообразной работе в провинциальной конторе, переменялась как по волшебству.

Николай Михайлович, почувствовавший в юноше родственную душу, стал ему наставником, почти что отцом, взял в свою экспедицию, научил всему, что знал и умел. 4-ая Центральноазиатская экспедиция Пржевальского 1883—1886 гг., к сожалению, оказалась последним предприятием этого замечательно исследователя.

Но для Петра Кузьмича она стала только первой, а за ней последовали еще пять, причем три последних возглавил сам Козлов.

И каждая из них — большая удача. Поражающие воображения труды, удивительные открытия, знакомство с Далай-ламой XIII, заслуженное признание, слава на Родине и за рубежом.

И, конечно, сенсации! Открытый П. К. Козловым в 1907—1909 гг. мертвый тангутский город Хара-Хото (X—XIII вв.) подарил миру теперь знаменитую богатейшую коллекцию из тысяч книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и древних буддийских святынь, а раскопки древних могильных курганов к северу от Урги в 1924—1925 гг. открыли гуннские погребения эпохи Хань III—I вв. до н. э., полные прекрасно сохранившихся тканей, ковров, седел, монет, украшений, керамики.

Только в одном удача отвернулась от Петра Кузьмича — ему так и не удалось побывать в Лхасе. Тибет — предмет юношеских мечтаний и зрелых надежд — открыл ему свое сердце, но не стены своей древней загадочной столицы.

Значит, такая судьба.

Петр Кузьмич Козлов

1863—1935

П. К. Козлов

ТИБЕТ И ДАЛАЙ-ЛАМА

МЕРТВЫЙ ГОРОД ХАРА-ХОТО

Москва
ЭКСМО

150-летию со дня рождения П. К. Козлова посвящается

Редакторский коллектив выражает благодарность сотрудникам мемориального музея-квартиры П. К. Козлова в Санкт-Петербурге
Андрееву Александру Ивановичу, Альбедилю Олегу Владимировичу,
Гнатюк Татьяне Юрьевне за помощь в работе над изданием
и предоставленные иллюстративные материалы.

Разработка серии — *И. Осипов*

Биографический очерк — *А. И. Андреев*

Приложение: «Последняя экспедиция П. К. Козлова» —
А. И. Андреев, Т. И. Юсупова

Оформление переплета — *Е. Вдовиченко*

Редакция предприняла все усилия, чтобы связаться с правообладателями.

Если вы располагаете какой-либо полезной информацией об авторах или их наследниках, имеющих отношение к использованному в книге тексту, просьба сообщить в издательство. Мы заранее приносим извинения в случае обнаружения ошибок и неточностей и готовы внести исправления в последующие переиздания.

Козлов П. К.

К 59 Тибет и Далай-лама. Мертвый город Хара-Хото / Козлов П. К. – М. : Эксмо, 2013. – 464 с. : ил. – (Подарочные издания. Великие путешествия).

ISBN 978-5-699-59497-9

Новый том серии «Великие путешествия» посвящен 150-летию со дня рождения выдающегося российского путешественника и исследователя Петра Кузьмича Козлова (1863—1935). Основу юбилейного издания составили два главных произведения П. К. Козлова: «Тибет и Далай-лама» и «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». В приложениях публикуется история последней (Монголо-Тибетской) экспедиции П. К. Козлова (1923—1926 гг.), краткое описание первой самостоятельной (Тибетской) экспедиции (1899—1901 гг.), написанное исследователем для журнала «Русская старина», а также малоизвестная автобиография путешественника.

Как и предыдущие издания серии, книга великолепно оформлена и богато иллюстрирована. Большая часть фотографий выполнена самим П. К. Козловым во время его экспедиций. Цветные снимки публикуются впервые.

УДК 910:82
ББК 26.89

© Андреев А. И., биографический очерк, 2013
© Андреев А. И., Юсупова Т. И., приложение, 2013
© Тексты, комментарии, иллюстрации, макет, оформление.
Издательство «Артнет Медиа», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-59497-9

А. И. АНДРЕЕВ

Биографический очерк

*Для меня нет лучше жизни,
чем во время путешествия.*

П. К. Козлов

Выдающийся путешественник Петр Кузьмич Козлов (1863—1935) принадлежит к блестящей плеяде путешественников-исследователей Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века. Ученик и последователь Н. М. Пржевальского, он целиком посвятил свою жизнь научному освоению обширных территорий азиатского материка, малоизученных или совсем неизвестных географической науке того времени.

П. К. Козлов родился в бедной малограмотной семье в городе Духовщина на Смоленщине. Окончив городское шестиклассное училище, он собирался поступить в Виленский учительский институт, однако педагоги (среди которых был известный в будущем деятель просвещения В. П. Вахтерев) не смогли выхлопотать ему казенную стипендию. Петру Козлову пришлось устроиться работать в контору местного винокуренного завода в поселке Слобода (ныне город Пржевальск, Смоленской области). Случайная встреча с Н. М. Пржевальским в 1882 г. в Слободе, где находилось имение прославленного путешественника, круто изменила жизнь деревенского юноши.

Н. М. Пржевальский увидел в юном Петре Козлове родственную душу и предложил участвовать в своей IV Центральноазиатской (II Тибетской) экспедиции. Для этого Козлову пришлось сдать экзамен за курс Смоленского реального училища и поступить вольноопределяющимся в армию, поскольку Н. М. Пржевальский комплектовал свои экспедиции исключительно из военнотружущих. «Пржевальский явился моим великим отцом: он воспитывал, учил и руководил общей и частной подготовкой к путешествию», — вспоминал позднее Козлов. Под непосредственным руководством Н. М. Пржевальского юноша приобрел необходимые для дальних странствий знания и практические навыки, в частности обучился искусству препаратора. В дальнейшем, работая рядом с Н. М. Пржевальским, П. К. Козлов сформировался как профессиональный путешественник-исследователь, овладел его экстенсивно-описательным методом «маршрутной рекогносцировки» и успешно использовал в своей исследовательской деятельности.

«Из этого двухлетнего, первого для меня путешествия, я возвратился иным человеком — Центральная Азия стала для меня целью жизни», — писал Козлов в кратком биографическом очерке. «Такое убеждение не поколебалось, наоборот, еще более укрепилось после тяжелых нравственных страданий, связанных с неожиданной смертью моего незабвенного учителя <...>». Светлый образ Н. М. Пржевальского — Пшевы — вдохновлял Козлова всю его жизнь.

Юный Петр Козлов.
Фотография. 1882 г.

Другим учителем и покровителем Козлова долгие годы был знаменитый географ-путешественник, вице-председатель императорского Русского географического общества П. П. Семенов-Тянь-Шанский, немало содействовавший его экспедиционной деятельности после смерти Н. М. Пржевальского.

С 1883 по 1926 гг. П. К. Козлов совершил шесть больших экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай и Восточный Тибет, три из которых возглавил лично*. Особенно ярко его талант как путешественника-натуралиста проявился во время первой самостоятельной Монголо-Камской экспедиции 1899—1901 гг. Ее научные результаты превосходили все ожидания — Козлов привез в Санкт-Петербург огромную и необычайно разнообразную естественно-историческую коллекцию, интересные этнографические сведения о кочевых племенах Тибета, ценнейшие данные по зоогеографии совершенно не-

изученных областей Центральной Азии. В результате этой экспедиции, прошедшей со съемкою более 10 000 км, были нанесены на карту крупнейшие хребты в Восточном и Центральном Тибете (хребет Русского географического общества, хребет Водораздел (бассейнов Хуан-хэ и Янцзы), хребет Рокхилла и др.). Исследования Козлова получили высокую оценку мирового научного сообщества. Снарядившее экспедицию ИРГО наградило путешественника за выдающийся вклад в изучение Центральной Азии своей высшей наградой — Константиновской золотой медалью.

Следующая экспедиция Козлова — Монголо-Сычуаньская (1907—1909) — прославила его уникальными археологическими находками, сделанными при раскопках «мертвого» города Хара-Хото на р. Эдзин-гол, в песках южной Гоби. В одной из культовых построек — субургане-реликварии, получившем название «знаменитый», П. К. Козлову посчастливилось найти богатейшую коллекцию, содержащую тысячи книг и рукописей на тангутском, китайском, тибетском и уйгурском языках, сотни скульптур и икон, святыни из буддийских храмов и т. п. Материалы из «знаменитого» субургана позволили ученым восстановить историю забытого тангутского государства Си-Ся, просуществовавшего около 250 лет (982—1227 гг.) на территории современного северного Китая.

Открытие и сенсационные раскопки Хара-Хото получили большой резонанс в научном мире, что принесло Козлову высшие награды Итальянского и Лондонского географических обществ, премию им. П. А. Чихачева Французской Академии наук, а императорское Русское географическое общество и Венгерское географическое общество избрали его почетным членом, соответственно в 1910 и 1911 гг.

* П. К. Козлов участвовал в IV Центральноазиатской экспедиции Н. М. Пржевальского 1883—1885 гг., Тибетской экспедиции М. В. Певцова 1889—1890 гг., Тибетской экспедиции В. И. Роборовского 1893—1895 гг.; возглавлял Монголо-Камскую экспедицию 1899—1901 гг., Монголо-Сычуаньскую экспедицию 1907—1909 гг. и Монголо-Тибетскую экспедицию 1923—1926 гг.

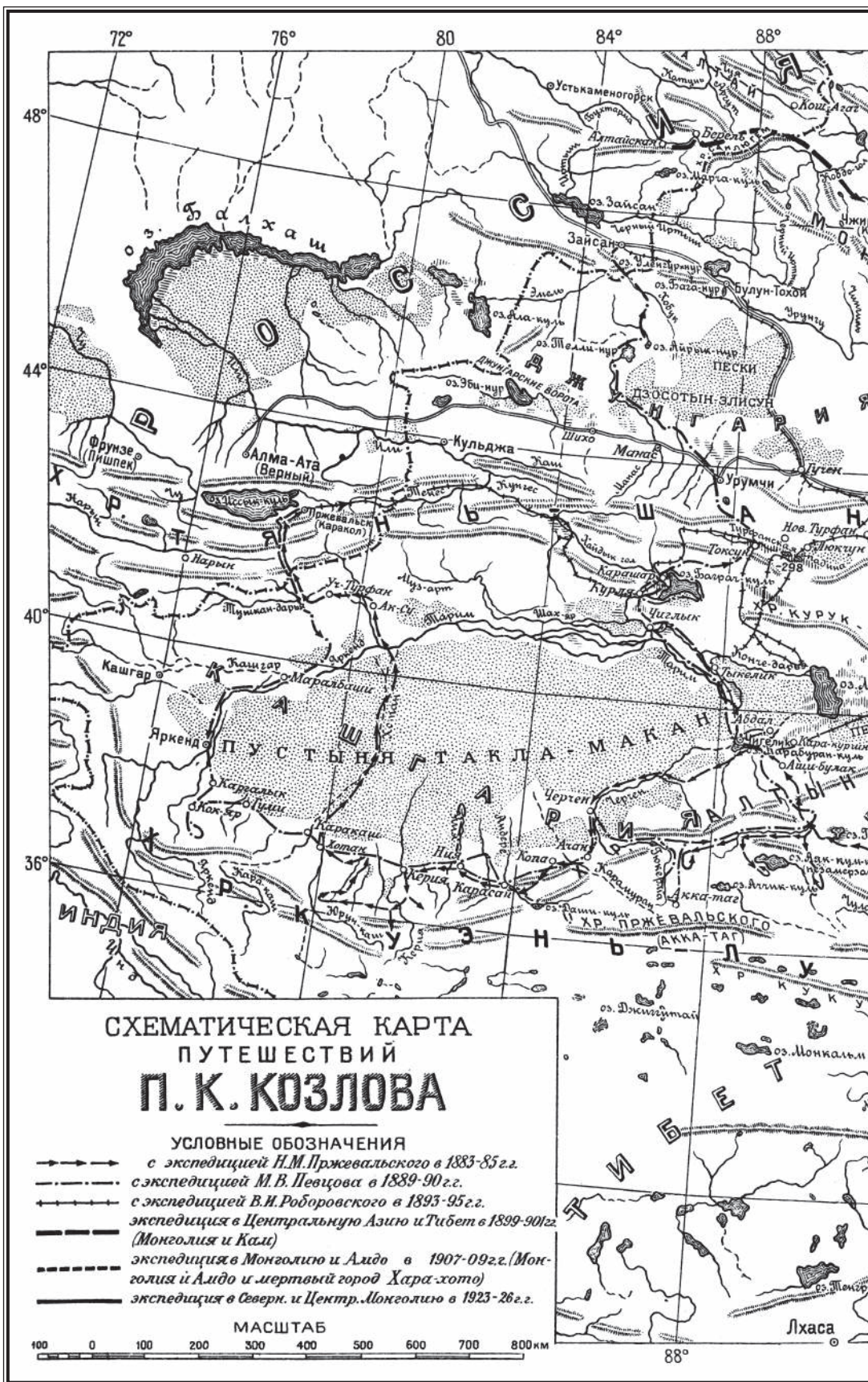

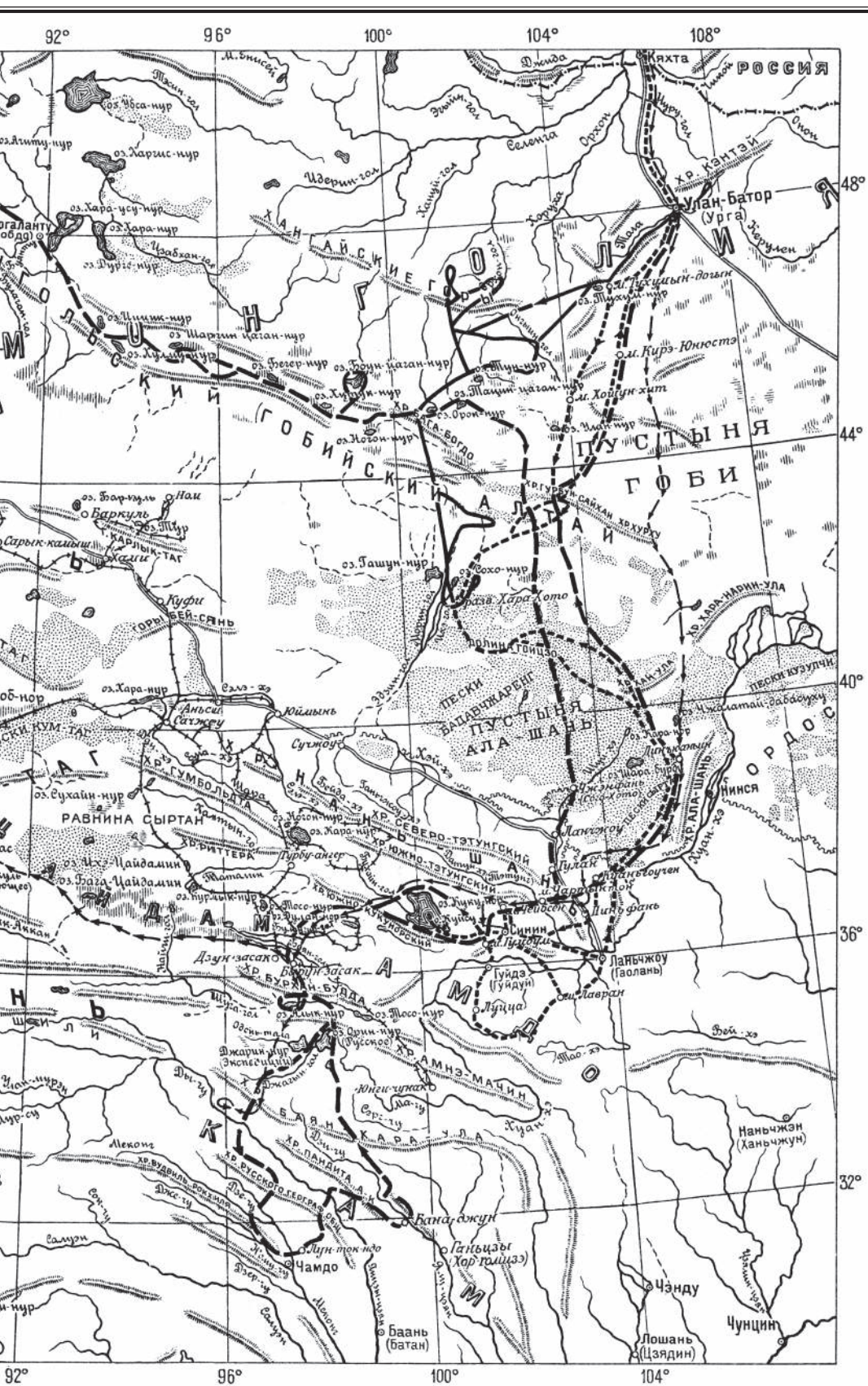
**Петр Кузьмич Козлов в штаб-квартире Русского географического общества
на выставке археологических находок из Хара-Хото.**

Фотография. 1910 г.

Еще одно важное событие в жизни Козлова этого периода — знакомство с духовным и светским правителем Тибета Далай-ламой XIII. Их первая встреча произошла в 1905 г. в столице Внешней Монголии Урге, куда Далай-лама был вынужден бежать из-за вторжения в Тибет англичан. Капитан Козлов* приветствовал тибетского первосвященника и поднес ему подарки от имени Русского географического общества за гостеприимство, оказанное Монголо-Камской экспедиции в 1899—1901 гг., а также по поручению МИД и Главного штаба обсуждал возможность предоставления Россией помощи Тибету. Встреча Козлова с Далай-ламой, состоявшаяся в столь драматический для Тибета момент, положила начало их теплым дружеским отношениям, продолжавшимся долгие годы.

* Военная карьера П. К. Козлова была столь же удачной, как и исследовательская. Окончив Санкт-Петербургское пехотное училище в 1888 г., он прошел путь от подпоручика до генерал-майора (последнее звание было присвоено ему в конце 1916 г.).

В 1909 г. путешественник нанес новый визит правителю Тибета — на этот раз в буддийском монастыре Гумбум (в провинции Амдо, в Восточном Тибете). Завязывание близких отношений с Далай-ламой и его приближенными имело не только важное политическое значение, с точки зрения укрепления русско-тибетских связей, но было весьма полезным и в личном плане, поскольку открывало перед пытливым исследователем двери в запретную для европейцев Лхасу.

Этим обстоятельством Козлов попытался воспользоваться в 1914 г., начав подготовку к новому большому путешествию. Экспедиция проектировалась как Монголо-Тибетская. Ее целью должно было стать дополнительное исследование развалин Хара-Хото и изучение Тибетского нагорья, главным образом бассейнов верхнего течения трех великих рек Азии: Янцзы, Меконга и Салуэна. В то же время Козлов втайне надеялся, что ему наконец-то удастся осуществить свою и своего учителя заветную мечту — побывать в Лхасе. Но в его планы неожиданно вмешалась мировая война. В результате полковник Генштаба П. К. Козлов отправился на Юго-Западный фронт, где некоторое время исполнял должность коменданта городов Тарнов и Яссы. А затем в 1915 г. его командировали в Монголию во главе особой правительственной экспедиции («Монголэкс»), занимавшейся закупками скота для нужд действующей армии.

Октябрьскую революцию Козлов воспринял неоднозначно, но от сотрудничества с большевиками не отказался. Не последнюю роль в этом сыграла его востребованность новой властью. Уже в ноябре 1917 г. Российская академия наук назначает Козлова комиссаром в знаменитый крымский акклиматизационный зоопарк-заповедник Аскания-Нова. Такое назначение не было случайным: хорошо знакомый с самим зоопарком и его основателем Ф. Э. Фальц-Фейном, Козлов еще до войны энергично выступал за скорейшую национализацию этого уникального уголка природы. И в новых политических условиях он продолжил борьбу за сохранение зоопарка от разграбления и уничтожения, итогом которой стал декрет правительства советской Украины о «сбережении» Аскании-Нова в апреле 1919 г.

С окончанием гражданской войны появилась надежда на возобновление исследовательской деятельности, на новое путешествие в любимую Центральную Азию. 22 августа 1922 г. Козлов выступил с докладом в Совете Русского географического общества и поднял вопрос о возрождении несостоявшейся Монголо-Тибетской экспедиции на тех же основаниях и с той же программой научных исследований, какая была предложена Обществу в 1914 г. Руководство общества горячо поддерживало планы Козлова, рассчитывая с помощью новой большой экспедиции поднять престиж Общества и возродить его былую славу главного организатора экспедиционных исследований внутри и за пределами России. Сразу же после своего заседания Совет РГО направил в Совнарком РСФСР ходатайство о разрешении провести 2—3 годичную экспедицию в Монголию и Тибет. В письме руководителей Общества эта экспедиция была представлена как нечто совершенно исключительное, «единственное в своем роде предприятие», «важнейший географический подвиг». При этом подчеркивалось, что от нее ожидают не только «блестящих результатов в научном отношении» — экспедиция Козлова может, кроме того, иметь и «немаловажные практические результаты, завязав новые, более тесные сношения с народностями Центральной Азии».

Такое разрешение было получено без особого труда. 26 января 1923 г. проект экспедиции был рассмотрен Временным Комитетом науки при Госплане, который постановил «отпустить 50 тыс. рублей в серебряных ланах и 50 тыс. в золотом исчислении советскими знаками на оборудование экспедиции Козлова в Тибет».

Политическая обстановка того времени — обострение англо-советских отношений — не позволила, однако, П. К. Козлову совершить путешествие в Тибет,

который в то время находился в сфере английского влияния. Научная программа уже утвержденной экспедиции была радикально пересмотрена — П. К. Козлов отказался от поездки в далекий Тибет, сосредоточив свои усилия на исследовании сопредельной с СССР Монголии. И здесь ему вновь сопутствовала удача. В 1924—1925 гг. экспедиция произвела раскопки древних могильных курганов к северу от Урги (совр. Улан-Батор) в горах Ноин-ула. Раскопки эти принесли сенсацию — в курганах было найдено большое количество прекрасно сохранившихся предметов: ткани, войлочные ковры с изображениями мифических животных, женские косы, седла, изделия из бронзы, монеты, керамика и многое другое. Впоследствии ученые установили, что погребения принадлежат гуннам Ханьской эпохи III—I веков до н. э.

Летом 1925 г. по завершении раскопок, экспедиция разделилась на две партии: одна, под руководством С. А. Глаголева, направилась в Монгольский Алтай и оттуда в Хара-Хото для дополнительных раскопок и снятия плана городища; другая, которой руководил сам Козлов, выступила в направлении Южного Хангая. Вырвавшись наконец-то на «светлый научный простор Азии», Козлов ведет интенсивную археологическую разведку, занимается маршрутной съемкой, пополняет ботаническую и зоологическую коллекции. Около пяти месяцев его отряд находился в предгорьях Хангая на юге Монголии. Здесь ученый затеял новые раскопки в урочище Олун-сумэ на месте развалин древнего монастыря, принесшие немало новых ценных находок. Заключительный этап экспедиции (весна-лето 1926 г.) — это палеонтологические раскопки вблизи реки Холт, орнитологические наблюдения на озере Орок-нор, которыми руководила жена путешественника Е. В. Козлова, посещение Хара-Хото на Эдзин-голе.

Подводя итоги трехлетней деятельности Монголо-Тибетской экспедиции, следует сказать, что своим научным достижениям она обязана не только П. К. Козлову, ее организатору и руководителю, но и его молодым, энергичным и, безусловно, талантливым спутникам. Особенно большой вклад в работу экспедиции внесли Е. В. Козлова, Н. В. Павлов и С. А. Кондратьев. Первая исключительно плодотворно занималась орнитологическими исследованиями, которые были продолжены в последующие годы и завершились публикацией сводного труда: «Птицы Юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и Гоби» (Л., 1930). Заслуживают упоминания и работы Н. В. Павлова, связанные с изучением флоры высокогорного Хангая. Наконец С. А. Кондратьев, руководивший раскопками первого ноин-улинского кургана, принесшего наиболее ценные находки, и в то же время с большим успехом занимавшийся собиранием и изучением музыкального монгольского фольклора. Эти оба направления в его исследовательской деятельности также оставили след в науке.

Экспедиция П. К. Козлова в Монголию в 1923—1926 гг. оказалась его последним центральноазиатским путешествием. Несмотря на громкий успех ноин-улинских раскопок, исследователь все же испытывал немалое разочарование, оттого что не сумел выполнить своей основной задачи, завещанной ему великим Н. М. Пржевальским — побывать в наиболее недоступных частях центрального Тибета, прежде всего в Лхасе.

П. К. Козлов провел в путешествиях в общей сложности почти 17 лет. Необычайно суровые климатические условия азиатских высокогорий и пустынь не могли не отразиться на его здоровье. Физические силы были на исходе, но неутомимый исследователь продолжал вести активный образ жизни — часто выступал с лекциями, писал статьи, участвовал в работе РГО и Академии наук. В 1928 г. АН Украинской ССР избрала его своим действительным членом.

В начале 1930-х Козлов поселился в деревне Стречно, в 60 км от Старой Руссы, в глуши новгородских лесов. Здесь, вдали от суетной городской жизни, он мог

П. К. Козлов в деревне Стречно.
Фотография. 1934 г.

спокойно работать в тесном общении с природой. Часто ходил в лес, на охоту. В середине 1934 г., однако, его состояние заметно ухудшилось в связи с серьезным сердечным недугом. П. К. Козлов умер в ночь с 26 на 27 сентября 1935 г., находясь в санатории в Старом Петергофе. Похоронили его в Ленинграде на Смоленском лютеранском кладбище.

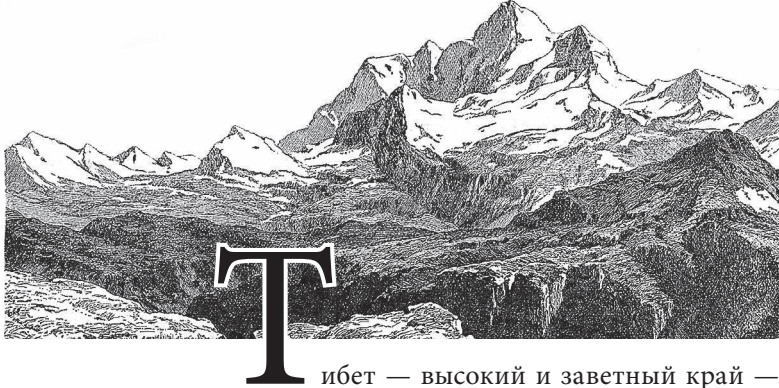
Научное наследие П. К. Козлова необычайно обширно и до сих пор еще не освоено полностью учеными. Оно включает в себя его экспедиционные отчеты, статьи и книги, путевые дневники и сохранившуюся огромную переписку с коллегами и друзьями, картографические и фотографические материалы. В то же время это и новые названия на географических картах, и открытые ученым-путешественником новые виды представителей животного царства, а также уникальные богатейшие коллекции — археологические, этнографические, естественно-исторические и другие, хранящиеся ныне в лучших музейных собраниях Санкт-Петербурга — в Эрмитаже, в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере), Зоологическом, Ботаническом музеях и Институте восточных рукописей РАН.

Тибет и Далай-лама

ВВЕДЕНИЕ

*Без знания нет и созерцания;
Без созерцания знания нет:
В ком созерцание, свет и знание,
Тому преград к нирване нет.*

Тибет — высокий и заветный край — привлекает внимание европейцев-путешественников малоизвестностью своей оригинальной природы и едва ли не более всего замкнутостью своих главных центров и монастырей, в особенности Лхасы — столицы Тибета, резиденции буддийского первосвященника Далай-ламы.

В запретную дверь Тибета тщетно стучались Пржевальский, Кэри, Литльдэль, Бонвало с принцем Орлеан, Свен Гедин и другие путешественники. Тем не менее, все они должны были уступить фанатизму тибетского народа и с болью в сердце повернуть в иную сторону.

Мой учитель Н. М. Пржевальский особенно настойчиво стремился в сердце Тибета и в свое третье путешествие, стоя у цели его, вынужден был сказать (на решение важных сановников Тибета не пропускать русских в Лхасу): «Пусть другой, более счастливый путешественник, докончит недоконченное мною в Азии. С моей стороны сделано все, что возможно было сделать». В этих простых, искренних словах великого путешественника передавалось завещание его последователям.

Таким образом, европейские исследователи не проникали в центральный Тибет, под которым, как известно, подразумеваются две провинции: Уй и Цзан. На их долю выпадали другие части Тибета, с которыми они в значительной степени и познакомили свет. Однако несмотря на то что центральный Тибет после 1845 года европейцами не посещался, по крайней мере в главных его частях, тем не менее, литература о нем растет, и ученый мир знает о Тибете весьма многое. Тибет ежегодно посещается русскоподданными бурятами и калмыками вот уже непрерывно свыше сорока лет. Многие из этих паломников вели свои записки или составляли воспоминания о Тибете. Кроме русских, изучением центрального Тибета усердно занимались англичане, командуя из Индии пандитов — обученных съемке и описательной географии индусов, из трудов которых наибольшего внимания заслуживает книга Сарат Чандра-Даса. Впрочем, работы последнего Лондонское географическое общество не публиковывало до тех пор, пока не проник в Лхасу наш соотечественник Г. Ц. Цыбиков, в 1899 году, в качестве образованного паломника. С тех пор у России и Англии проявляются еще большие стремления попасть в заветную страну, и в то время, когда первая вела войну с Японией, вторая, в 1904 году снарядила дипломатическую, или, вернее, военную экспедицию в Лхасу.

Движение английского военного отряда в глубь Тибета, ряд стычек и избиение тибетцев англичанами у «источников хрустального глаза» вынудило главу Тибета поспешно искать спасения на севере, в Монголии.